

России нужны поэты

Трудные времена настали в литературе. Притворство выдается за искренность, безделка рядится в одежды поэзии, а стекляшка маскируется под драгоценный камень. Имя череповчанина А. Широглазова, что называется, на слуху. О нем говорят как о поэтическом открытии. Однако его новая книга заставляет усомниться в этом.

В чем заключается чудо поэзии, не знает никто. Если б его удалось понять умом и объяснить словами, тогда можно было бы стряпать стихи на компьютере, как пекут нынче ушные халтурщики на компьютерах бесконечное детективное чтиво. В машину можно вложить программу с вариациями темы: нашел - схватил - убил - убежал, но невозможно научить ее чувствовать, невозможно поселить в электронное чрево вдохновение, страсть, что живут в душе подлинного поэта и дышат в его стихах.

Я не хочу сказать, что стихи А. Широглазова так же бездушны и мертвы, как продукция компьютеров; нет, их писал человек одаренный, но растративший свой дар по пустякам. Кто не знал людей, которых называют «душа компании»? Остроты, меткие замечания, колкие афоризмы (свои, не заемные) так и сыплются с его языка. Чувствуется острый, блестящий, наблюдательный, многообещающий ум. Проходят годы, и где же «душа компании»? Не слышно его. Истратил свой творческий дар на пирушках, променял на хмельные застольные похвалы. А думал, надеялся, что слово его не пропадет втуне, останется, будет жить. Однако для того чтобы создать ТО, что «прах переживает и тленья убежит», а не выдать очередную, сверкающую мишурным блеском безделку, необходим труд: концентрация воли, ума, чувства. Каждый даровитый человек - это алмаз, но сумеет ли он сам себя (и только сам) ограничить в бриллиант - вот в чем вопрос.

Поэт, писатель живет внутренней жизнью, стихи же, повести, рассказы суть внешние проявления ее. Подлинный творец всегда пишет для себя, в глубинном смысле его творчество интересно прежде всего ему самому. Когда же внешняя жизнь начинает преобладать над внутренней, поэт начинает писать с оглядкой на публику, зная, чего от него ждут, чем восхитятся и за что похвалят; тогда он сам угашает священный огонь поэзии, озарявший его душу. Так на пепелище отгоревшего костра долго роешься в холодной золе, мертвом пепле, чтобы найти алый, который вдруг дохнет тебе светом в лицо, уголек.

Такие чувства вызывает книга А. Широглазова «И долго не кончается игра». Попадают (крайне редко) отдельные удачные строчки, но цельного стихотворения, в котором

бы светилась душа поэзии, нет. Обломки, обрывки, нагромождение наблюдений, чувств. Мелочный, скользкий поверху анализ своих неглубоких переживаний, к тому же далеко не новых. Подобных стихотворений написано и пишется тысячи.

От этого легкомысленного, поверхностного отношения к искусству происходит косноязычие, выливающееся в прямую бессмыслицу, неправильное употребление слов, общекультурные промахи.

Вот примеры бессмыслицы: «торжество иных начал на уровне распада» (какое торжество в процессе распада, гниения, разложения?), «нельзя иначе жить и в жизни что-то значит» (не разгаданный мною ребус), «окурки торчат крестами чужих молелен» (пятьдесят три года прожил, но креста, похожего на окурки, не сподобился видеть), «конец беседы четвертый час синел от столбняка», «филфак это ропот, похожий на шепот, рождающий филологический стиль», «грязь пивных утех», «местность коробит взгляд» и т. д. и т. д. И это вовсе не метафоричность, попытка создать запоминающийся, яркий образ, несущий в себе неожиданный и глубокий подтекст, это неряшливость чувства, мысли и слова.

В этом же ряду - и «вернисаж умных лиц», и «начертил подобие баланса» (баланс сводят, а не чертят), и «прорезь дверного глазка» (конечно же, отверстие, ведь прорезь - это линейный разрез).

От необходимого писания наспех - и повторы вроде «надуманной фиесты». Что вообще автор подразумевает под этим словом? «Фиеста» имеет два значения: «праздник» (однокоренное - фестиваль) и послеполуденный отдых в странах Латинской Америки, когда из-за нестерпимого зноя общественная жизнь в городах замирает до вечера. Если строка «бомонд... томьясь в надуманной фиесте» (с. 22) имеет смысл во втором значении, то строка «он жил в надуманной фиесте» (с. 42) не имеет смысла вообще.

Не прибавляют автору славы и повторы:

«Я сделал что-то вроде реверанса
Бутылке пива, «Кенту», белашам,
В традициях родного декаданса».

(Стр. 23.)

«Они куда приятнее для слуха,
Чем питерский фальшивый

декаданс...

Я исчезаю. (Низкий реверанс.)»

(Стр. 36.)

В стихах много суесловия. Образец его: «Мне больно. Мне очень больно». Невозможно читать его без внутренней брезгливости. «И можно со мной в разведку, а вот из разведки нельзя...» Ну вздор же, чушь. Ни образа, ни мысли, ни чувства, просто ленивая, занудная болтовня, рассчитанная на примитивного обывателя, который все проглотит.

Поражает интонационная безликость стихотворений, некоторые из них можно продолжать и продолжать, поскольку речь в них идет ни о ком и ни о чем. Некоторые можно объединить, и смысл практически не изменится.

Вот доказательство. Перемежаются строчки двух разных стихотворений:

«Логический конец ночной беседы,
которой я болел еще вчера,
четвертый час синел от столбняка,
Кричал «Ура», «Даешь!»,

ет цетера.

И в комнату входил издали,

Презрительно цедил

«Судью на мыло!»...»

А ведь это, можно сказать, программные, мировоззренческие стихотворения А. Широглазова. Особо второе.

Больно все это читать. Так же, как и диковинно узнавать от выпускника университета, что «Фальконе... по жизни ваял в основном мужиков». Не говорю об отдающем дурным вкусом жаргонном «по жизни ваял», приведу названия только нескольких работ Этьена, конечно же, Фальконе: Эригона, Флора, Музыка, Девушка с венком из цветов...

А чего стоит в устах автора, сравнивающего себя ни много ни мало с Еврипидом и Овидием, выражение «марциальные оды». Само по себе оно нелепо. Не говорят «ливийные труды», «цицеронские речи», а - труды Ливия, речи Цицерона. К тому же римский поэт М. Марциал од не писал; если А. Широглазов назовет хоть одну, историк римской литературы снимут перед ним шляпу.

Не существует в природе и «сонаты ля-бемоль». Без указания лада (мажор, минор) это выражение тоже бессмысленно.

В сущности это элементарные (конечно, далеко не все) замечания, которые делают на семинарах начинающим авторам. Но в самом начале им говорят, что нельзя «кстати, иногда писать стихи» (с. 10), т. е. писать их от нечего делать. Творчество - это образ жизни. А. Упит говорил: «Писатель - либо писатель везде и всегда, либо никогда».

Несколько выделяются на общем фоне последние страницы книги, тексты песен. Они отличаются какой-то своей внутренней собранностью, организованностью. Создавая их, автор, видимо, и думал серьезней, и работал старательней. Однако поэзии и в них кот наплакал. То же позерство, тот же эпатаж, балансирование на грани хохмы и площадного балагана.

Но России нужны не хохмачи, а поэты. Довольно, насмотрелись мы и наслушались хохмачей.

Роберт БАЛАКШИН.

Рисунок С. БОГАЧЕВА.